

ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТНОЙ СТРУКТУРЫ ПОЭМЫ Д. КУГУЛЬТИНОВА «САР-ГЕРЕЛ»

Peculiarities of the Plot Structure of D. Kugultinov's Poem «Sar-Gerel»

Э. А. Эльдышев (E. Eldyshev)¹

¹научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Written Monuments, Literature and Buddhology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: eldyshev59@mail.ru.

Статья посвящена исследованию сюжетной структуры поэмы Д. Кугультинова «Сар-Герел». В ней рассматриваются особенности «жанровой инновации» – например, притчи, включенной в текст поэмы, — вопросы отражения философии времени, его гуманистических идеалов, выраженных поэтом через фольклорный сюжет.

Ключевые слова: сюжетная структура, поэма, фольклор, глава, композиция.

The article examines the plot structure and analysis of the poem D. Kugultinov «Sar-Gerel». It discusses the issues of «genre innovation», for example about the parables included in the text of the poem, the questions reflected the philosophy of time, his humanistic ideals expressed by the poet through a folk story.

Keywords: the structure of the plot, poem, folklore, chapter, composition.

Статья посвящена исследованию сюжетной структуры поэмы Д. Н. Кугультинова «Сар-Герел». Сюжетные линии, как единая динамическая структура, рассматриваются в ней с точки зрения авторской позиции. Исследование особенностей сюжетной структуры поэмы сопровождается выявлением метафорических средств, характерных для национального фольклора. Символика и условность фольклорной традиции в тексте поэмы выступают и тогда, когда поэт переходит к нравственным выводам, к определению непреходящих истин. Таким образом, в художественной структуре текста автор соединяет лирическую публицистику с фольклорной образностью. Отмечается и богатая полифоничность, психологическая и эмоциональная многозначность, героические, философские и трагические мотивы поэмы.

Творчество Д. Н. Кугультинова тесно связано с национальным фольклором. «Я добросовестно изучал фольклор», — писал он, и это знание народного творчества позволило поэту создать одно из лучших его произведений — поэму «Сар-Герел».

«В этой лирико-философской поэме на основе сказочного сюжета поэт осмысливает разнообразные явления жизни, поднимает серьезные философские проблемы — о взаимоотношении народа и личности, о человеческом счастье и служении народу, о том, что человека делает человеком» [Килганова 1973: 42]. Д. Н. Кугультинов решает эти проблемы как истинный художник слова.

Многие известные литературоведы отмечали достоинства поэмы «Сар-Герел». Так, Ю. Б. Розенблюм, разбирая ее жанровую природу, особо отметил умение поэта «„увязать“ содержание древней легенды с нашей современностью» [Розенблюм 1969: 122].

Б. А. Леонов в своей книге о Д. Н. Кугультинове посвящает анализу этого произведения целую главу («Поэма, а не сказка»). Опираясь на высказывание С. Я. Маршака, автор прослеживает фольклорные истоки поэмы [Леонов 1970: 15].

Строгая, четкая композиция поэмы — одно из главных достоинств произведения. Все — от посвящения космонавту Вален-

тине Николаевой-Терешковой до эпилога, связывающего легендарное прошлое с современностью, — отмечено печатью высокого мастерства.

По этому поводу З. И. Килганова пишет: «Эпическое повествование, философские размышления, вставная легенда о ласточке, лирические отступления, обращения к читателю — все это органически слито в единое, нерасторжимое целое» [Килганова 1973: 42]. Таким образом, композиция подчинена раскрытию смысла поэмы.

Сюжетная основа поэмы такова. Солнце влюбилось в девушку, которая в свою очередь влюблена в земного юношу и не может отказаться от своей любви. Тогда уязвленное Солнце скрывается за горизонтом. Наступает кромешная тьма. Люди просят девушку спасти их и уступить светилу. И девушка, превратившись в Луну, поднимается в небо. Но и там она при виде Солнца бежит от него прочь.

Впервые к сюжету, который стал основой поэмы «Сар-Герел», Д. Кугультинов обратился в очерке «Сказка» [Кугультинов 1966: 96–97]. В процессе работы замысел произведения претерпевал существенные изменения. Вначале поэт назвал поэму «Сар-Герел» сказкой. Но ознакомившийся с подстрочником С. Я. Маршак заявил: «Это у вас поэма, а не сказка... Вы говорите, что в основе вашей вещи лежит фольклор. Хорошо, но что вы скажете тогда о «Руслане и Людмиле», «Демоне»? Как вам известно, авторы этих произведений называли их поэмами. Ведь они через сказочный сюжет выразили свое отношение к современной им жизни, свою философию! Нет, голубчик, что ни говорите, у вас не сказка, а лирико-философская поэма» [Кугультинов 1966: 218].

Сюжетная структура поэмы подчинена прежде всего задаче раскрытия характера героини, а через него — раскрытию смысла произведения. В прологе, играющем немалую роль в развитии сюжета, говорится о том, что Солнце жаждет встречи с земной девушкой. Века проходили за веками, и вот, наконец, в калмыцкой степи должна состояться так долго ожидаемая встреча.

В первой главе читатель знакомится с Герел ближе, она — подлинное воплощение физической и нравственной красоты:

Светится в ней чистая душа.

Две звезды из-под прозрачных век

Смотрят в сердце, словно утешая:

*«Не печалься, добрый человек,
Будет радость у тебя большая»*
[Кугультинов 1968: 92].

Герел — лучшая рукодельница в хотоне, Герел — умница, Герел — «вникла в целебные свойства трав», любой человек рядом с ней чувствует себя красивым и смелым.

Первая глава представляет собой экспозицию, намек на завязку заключен в самых последних ее строках:

*Конь необъезженный — сердце Герел.
Не заарканил его никто.
Не заарканил его пока...*

[Кугультинов 1968: 94].

Центральный эпизод второй главы — встреча Герел с пастухом Цереном, спасшим ее от разъяренного быка. Этот герой предстает как воплощение силы, ловкости, стремления вступить за слабого.

Безмерное и безоблачное счастье юной любви — содержание третьей главы поэмы. В то же время уже здесь есть предчувствие беды. Большую роль в последующем воплощении зловещего предчувствия играет лирическое отступление о степи. Конец третьей главы возвращает читателя к заключительным строкам пролога — свиданию Солнца и Герел.

В четвертой главе в диалоге с Солнцем проявляется характер героини. Она обращается к Солнцу, «молитвенно сжав ладони, как ее прабабки искони», но в то же время «гордость человека сохраняя»: вежливая, деликатная Герел становится непреклонной, защищая свое право, право человека, на любовь и счастье, и слова ее наполняются глубоким смыслом, утверждающим величие человеческой личности.

Пятая глава раскрывает другие грани характера героини. Высокое чувство ответственности за судьбы людей, сознание того, что она — причина, хотя бы и невольная, страшных невзгод, обрушившихся на ее земляков, рожают в душе Герел не страх и отчаяние, а самоотверженную решимость бороться за свое счастье, в то же время не противопоставляя его счастью других людей...

Седьмая, заключительная, глава поэмы — рассказ о том, как Герел стала Луной.

В поэме все подчинено основной идее взаимоотношений народа и человека, личности и общества. Д. Кугультинов не уменьшает сложности и многогранности этой извечной проблемы. Поэт говорит не

только о долге отдельного человека перед народом, но и об ответственности народа за каждого человека. Ибо необходимо помнить, что «не всякое людское скопище достойно называться народом». Тем, кто, «убоявшись холода и мрака», готов принести Герел в жертву разъяренному светилу, мудрец Цецен с укором говорит:

*Верьте мне, народом нам не быть,
Если мы не сделаем попытки
И любовь, и правду защитить!
Потому что подлинный народ —
Это справедливости оплот*

[Кугультинов 1968: 133].

В принятом Герел решении немалую роль сыграли близкие ей люди: ее жених Церен и мать, сумевшие, несмотря на свою огромную любовь к Герел, отказаться от счастья быть рядом с ней. Именно люди, подобные матери Герел, Церену, мудрецу Цецену, вместе и составляют народ.

«Основной конфликт поэмы «Сар-Герел», — отмечает Ю. Б. Розенблюм, — это конфликт Солнца и Земли. В предании он был лишь намечен, в поэме же он очень глубок по смыслу, современен и актуален. Небесное светило жаждет любви, но Герел не может ответить ему взаимностью — ее сердце отдано Церену. Так образуется своеобразный сказочный «любовный треугольник». Так сталкиваются три чувства, и возникает сложный, совсем земной конфликт...» [Розенблюм 1969: 125]. Поэтический вымысел усложняет конфликт, несколько меняет характер образов и значительно заостряет социально-философскую проблематику, заложенную уже в самой сюжетной основе народной сказки. Личный конфликт перерастает в конфликт общечеловеческий, а значит и социальный. Столкнулись две правды — правда Герел и правда Солнца. Но двух истин быть не может, и ее нельзя поделить пополам. Правда Солнца — это правда личного «я», она субъективна, а значит и ложна. В конфликте Земли и Солнца побеждает голубая планета, не предавшая своей любви, в страданиях утвердившая свою правду.

Сюжет поэмы определяет поступки героев. И конфликт, выраженный в столкновении взглядов и действий главных героев — Сар-Герел, Солнца, Церена, — становится тем мериллом, через которое проявляются их нравственные качества. Суть лирического конфликта поэмы заключается в фило-

софском противопоставлении взглядов Герел и Солнца. Можно отметить, что этот глубинный философский конфликт станет одной из важных особенностей творчества поэта. Конфликт поэмы, несомненно, отражает позицию самого автора, в котором выражена его мировоззренческая концепция.

«Пейзаж у Д. Кугультинова динамичен, — отмечает З. И. Килганова, — там, где показан внутренний мир героини, природа исполнена света и радостного движения. Герел, пришедшую на свидание с любимым, глубоко волнуют краски весенней степи, степь предстает в этот миг воплощением всего прекрасного. Степь для влюбленной Герел — «зеленая новь», где «ластится к ногам ее трава, шелестит и шепчет, как живая...». Это «бурлит в ней радость бытия и на волю рвется неустанно». Но вот Солнце отвернулось от людей. В картине «ледяного кладбища» преобладают эмоционально-насыщенные эпитеты («ледяная жадная пустыня»), метафоры и олицетворения («плачет земля о былом тепле», «ветры рвутся в кибитку, треплют кошму, хрипло визжат от злости», «тонкий плач метели»).

Тем рельефнее последующий переход к прежней тональности: ликующие, праздничные краски возрожденной природы находят в полном соответствии с душевным состоянием людей, увидевших вновь «сияющий мир земной», «забытую красоту» [Килганова 1973: 47–48].

В поэме множество тонко выписанных пейзажей, конкретных национально-бытовых черт, определяющих ее подлинно калмыцкий колорит, подчеркивает исследователь. Калмыцкий чай, гадание на бараньей лопатке, определение времени по названиям животных, вера в существование злого духа — Араха, особенности быта в кибитках и хотонах и т. д. «В поэзии Д. Кугультинова степь предстает полифоническим явлением, вызывающим целую гамму мыслей и чувств» [Салдусова 2007: 97].

В языке поэмы, с присущим ей романтическим стилем, философские раздумья сочетаются с лирической взволнованностью. Обращают на себя внимание афористичность речи автора и действующих лиц поэмы.

Известный критик Е. Осетров отметил: «Прежде всего меня поразили сюжет этой поэмы — Девушка-Луна. Это замечательный образ, который перекликается со славянскими языческими легендами, в частно-

сти с той, которую использовал Островский в сказке о Снегурочке. Эта калмыцкая Снегурочка жертвует своей любовью во имя общего блага.

Но было бы наивно и неверно только так определять содержание этой поэмы. Поэму пронизывает множество различных линий и размышлений, в частности: человек и общество, соотношение старого и древнего, идущего из глубины веков, с современным, сегодняшним. Это — поразительное сочетание современности с древностью, национального с общечеловеческим» [Осетров 1967: 48].

Композиционное решение всей поэмы и ее частей подчинено принципам народной сказки. И первое, чисто внешнее, свидетельство тому — семиглавное построение и многократно наблюдаемый прием триединства действий сказочных героев, основанный на традиции, народных обычаях и высказываниях, восходящих к народным пословицам, поговоркам, приметам. По мере развития действия поэмы за фольклорным, сказочным все настойчивее и явственнее проступает второй план — философско-метафорический, открывающий простор для ассоциаций и толкований в направлении, указанном автором.

В народном творчестве обычно между притчей и произведением, в котором она звучит, существует прямая связь. Обнаруживается она и в поэме Д. Кугультинова — в проведенной прямой аналогии между тем, что говорилось в притче о ласточке, и тем, что происходит сейчас: «Нынче же правнучка мудрой птицы мучится здесь на глазах у людей». Тем самым предполагается, что потомок птицы, спасшей людской мир, должен быть теперь спасен благодарным человеком. Так следовало и Герел понимать эту притчу. И она, конечно, так ее и понимает.

Судьба девушки, превратившейся в ласточку, сходна в чем-то с судьбою Герел. Она не ведала, как «человеком сделаться снова», и навсегда осталась птицей, «а ведь с каким женихом рассталась»! Погибла ласточка, но сделала все, «чтобы других от смерти спасти».

Последняя ночь перед костром выписана удивительно скупой и предельно простой, а потому исполнена внутренней силы. Глядя на пламя и перебирая в памяти все, что было пережито и услышано ею от мудрых

стариков, сплавляя в сердце своем любовь к Церену с любовью к людям, Герел думает:

*Может стать, чтоб светить и греть,
Надо, не щадя себя, гореть,
До конца сгореть, испепелиться,
Птицей-ласточкой оборотиться
И людей от гибели спасти...*

[Кугультинов 1968: 144].

И она выходит в степь и говорит Солнцу, что согласна стать его женой. Люди не спали. Услышав слова Герел, ждали, как поведет себя светило. Так начинается седьмая, последняя глава. «Прорицатели, нахмутив лбы, принялись за старое гаданье: изучают косточки бараньи, долго держат над огнем лопатки, вглядываются в узоры трещин и вещают: люди, все в порядке! День счастливый косточкой обещан, вот благоприятный знак судьбы». И тут свое отношение к подобным «оракулам» автор высказывает, восклицая:

*Истомившись без тепла и света,
Люди ловят добрые приметы,
Вера и не веря пополам,—
Что, замечу, свойственно и нам!*

[Кугультинов 1968: 145].

Приближается рассвет. Люди побежали к Меч-горе. По слухам, с этой горы должна подняться в небо Герел.

Своим подвигом, своей гибелью Человек утверждает жизнь землян, соотечественников. Оптимизм пронизывает трагедию. На миг Меч-гора стала постаментом той, что «предстала пред толпой наверху — меж огней и звезд, распрямившись во весь рост» [Кугультинов 1968: 147].

«Подобные проблемы решаются в жизни, сопровождаясь трагическими ситуациями, и когда человек берется отразить их, то, естественно, трагическое входит в произведение. Сар-Герел — девушка, спасающая людей от гнева солнца; она стала луной, навсегда расставшись и с землей, и с любимым, и с родными, и с женским обликом. Судьба действительно трагическая. И трагизм стал, видимо, одной из черт поэмы, — размышлял сам ее автор. — Трагизм проявляется в искусстве тогда, когда художник берет из жизни моменты, в которые улыбаться невозможно, невозможно лгать, которые игнорировать нельзя никоим образом, когда следует не молчать, а говорить во всю мощь своей искренности и истины, которую несешь в себе.

Трагическое. Смерть. Присутствие их в произведении еще не означает пессимизма. Не всякая смерть есть поражение, часто она знаменует победу героя» [Кугультинов 1968: 92]. И судьба Герел — не поражение, но победа.

Н. Пюрвеева отмечает, что «концепты свободы человека и общества, добра и истины, отраженные в сказке-поэме, важны не

столько сами по себе, сколько в связи с проблемой, имеющей одновременно и общечеловеческий философский смысл» [Пюрвеева 2007: 94].

Таким образом, особенностью сюжетной структуры поэмы «Сар-Герел» является воплощенная в ней проблематика времени. Поэтическое мироощущение автора обогащено традициями национального фольклора.

Литература

- Килганова З. И. Поэзия и жизнь. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 104 с.
- Кугультинов Д. Н. // Вопросы литературы. 1968. № 2. С. 92–97.
- Кугультинов Д. Н. Сар-Герел: поэма. Перевод Ю. Нейман // Я твой ровесник. М.: Сов. Россия, 1968. С. 85–154.
- Кугультинов Д. Н. Утоление жажды. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 224 с.
- Леонов Б. А. Поэзия судьбы народной. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 104 с.
- Осетров Е. В. Из выступления: [О поэме «Сар-Герел»] // Теегин герл. Свет в степи. № 2.

1967. С. 48–49. (Неделя калм. лит. в Москве, 11–17 янв. 1967).

- Пюрвеева Н. Б. Сказки Д. Н. Кугультинова // Феномен личности Д. Н. Кугультинова – поэта, философа и гражданина. Мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 93–96.
- Розенблюм Ю. Б. Давид Кугультинов. М.: Советская Россия, 1969. 144 с.
- Салдусова А. Г. Природа как художественный арсенал в поэзии Д. Кугультинова // Феномен личности Д. Н. Кугультинова – поэта, философа и гражданина. Мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 96–97.

References

- Kilganova Z. I. [Poetry and Life]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1973. 104 p. (In Russ.)
- Kugultinov D. N. (Article). *Voprosy literatury*. 1968. No. 2. Pp. 92–97. (In Russ.)
- Kugultinov D. N. [Quenching Thirst]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1966. 224 p. (In Russ.)
- Kugultinov D. N. Sar-Gerel: Poem. Russian text by Yu. Neyman. In: [I Am a Contemporary of Yours]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1968. Pp. 85–154. (In Russ.)
- Leonov B. A. [Poetry of People's Destiny]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. 104 p. (In Russ.)
- Osetrov E. V. Excerpts from report ('About Sar-

Gerel Poem'). *Teegin gerl*. 1967. No. 2. Pp. 48–49. (In Russ.)

- Puurveeva N. B. D. N. Kugultinov's fairy tales. In: [Poet, Philosopher and Citizen: Phenomenon of D. N. Kugultinov's Personality]. Conf. proc. Elista: Kalmyk State University, 2007. Pp. 93–96. (In Russ.)
- Rozenblyum Yu. B. [David Kugultinov]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1969. 144 p. (In Russ.)
- Saldusova A. G. Nature as source of D. Kugultinov's poetry. In: [Poet, Philosopher and Citizen: Phenomenon of D. N. Kugultinov's Personality]. Conf. proc. Elista: Kalmyk State University, 2007. Pp. 96–97. (In Russ.)